

Кровавый дождь / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Кровавый дождь / рассказ КРОВАВЫЙ ДОЖДЬ

1.

Я вытащил на улицу стол, стаскал попарно стулья и расставил их вдоль металлической ограды у входа. Я обещал вернуть мебель Норману, но не хотел его больше видеть. Со стороны было похоже, что я собираюсь открыть здесь закусочную. Не хватало скатерти и меню. Я вернулся в подвал и посмотрел через щелку жалюзи, довольный своей работой. Стол красовался рядом с баком для строительного мусора: хорошо смотрелся на его фоне. Джефферсон – улица итальянская, через пару домов от меня родился Фрэнк Синатра. Район не бедный, но итальянцы тоже любят хорошую мебель. Исчезновения лучших предметов гарнитура я не заметил: приложился к фляге «Христианских братьев», и, должно быть, о чем-то задумался. Когда вышел из оцепенения, стола и стульев не было. Я с удовольствием бы посмотрел на его новых владельцев. Следующим номером программы был книжный шкаф. Легкий, удобный. С ним в принципе можно было ходить по городу, держа его подмышкой. Книг у меня было мало: найденные на улице справочники и журналы мод. Их я составил на полки для полной комплектации. Шкафом никто не заинтересовался. Я покачался в кресле-качалке, найденном на одной из здешних улиц, выкурил сигаретку и вернул его городу. Господь дал – Господь взял. Кресло подхватила пуэрториканская парочка: полные, бесформенные, одинаковые. Кранты моему креслу, сказал я себе. Плетеная мебель создается для аристократов, а такие задницы оно долго не выдержит. В комнате оставались две раскладушки, составленные вместе на случай появления дам, исполинский телевизор с маленьким уютным экраном и подвесной телефон: обыкновенный, серый, за десять долларов. С телевизором расставаться не хотелось, хотя я его почти никогда не смотрел. К тому же он был чудовищно тяжелым. Его забрала та

же латинская парочка. За раскладушками я проследить не успел: выставил их у заборчика, зашел в кафе за сэндвичем.

– Целый год здесь прожил, а вас не заметил. Хорошие бутерброды?

– Итальянские. У нас все самое лучшее.

Дома оставались матрац, подушка и телефон. Я развернул длинный «сабвей» с ростбифом и бесстрастно съел его, запивая бренди. Постельное белье выкинул через окно. Оставался телефон. Я набрал номер местного такси, сказал, что через пять минут буду у двери. Оторвал аппарат от стены, подхватил сумку и вышел. На ступеньках сидел Джонни, представившийся когда-то домоправителем. По своему обыкновению он был гол по пояс и немного пьян. Я швырнул пустую флягу в мусорку, протянул Джонни оборванный телефон.

– Скажи Люси, что я уехал, – сказал я. И не вернусь.

– Больно нужен ты моей Люси, – пробормотал сосед. Она будет архитектором.

Я попросил таксиста остановиться около агенства недвижимости на Вашингтон стрит, забросил ключи, и через час был на вокзале. В кассе меня дважды переспросили о пункте назначения. Я даже начал злиться.

– Вы не в курсе? Это столица штата!

– У нас много городов с похожим названием.

2.

Конечно, много. Кто бы сомневался. Но мой – самый лучший. Самый, самый. В дорогу я купил коробку с салатом, куриные палочки, связку питьевой воды. Выпить, на худой конец, можно и в ресторане. Вагон оказался полупустым: здесь можно будет хорошо отоспаться, если не набьется народа в Виргинии. Я лег на сидение, не снимая обуви, положил рюкзак под голову. Дождь пошел вместе с движением поезда. Звоночек, рывок, еще рывок. Поезд и дождь набирали темп одновременно. Через несколько минут, когда поезд вышел из туннеля, они шли нога в ногу. Стук колес вошел в ритм с шумом дождя. Эта удивительная синхронность казалась подозрительной. Когда подошел кондуктор,

я приподнялся, протягивая ему маленький картонный билетик.

– У вас всегда так?

– ?

– Ну, дождь?

Он не понял. Приветливо щелкнул компостером и, покачиваясь, пошел к двум негриллам, лежащим через ряд от меня.

– В вашем поезде всегда дождь? – спросила одна из них, надрываясь от хохота.

От шума дождя я засыпал, от шума дождя я просыпался. Казалось, что ливень зацепившись за наш состав в Нью-Йорке, катится вместе с поездом. Я был уверен, что за последним вагоном его фронт обрывается. Я даже был готов пойти в конец поезда удостовериться в своей правоте, но сон побеждал. Тем более, последний тамбур, по моим соображениям должен был быть закрыт. Негритянки пели рэп на разные голоса, много смеялись и обсуждали своих парней.

– Мой может девять раз. Фантастика.

– Лучше один раз, но качественно.

В Ричмонде ко мне подсел какой-то чудик: вечный студент, непризнанный гений. Мы кивнули друг другу и сохраняли молчание часа два. Удивительная выдержка. Возможно, оба были зачарованы грохотом ливня. Дождь для нас обоих стал идеальным собеседником. Очкарик раскрыл книжку, старомодно обернутую газетой. Читал ее, не перелистывая страниц. То ли ему хватало чтения одной страницы, то ли заучивал ее наизусть. Уже давно стемнело, и мы перестали следить за сменой станций. Любая станция в ту ночь называлась «дождь». Он ехал в Майями: я случайно слышал их разговор с кондуктором. Во Флориде по уверению работника его ждет хорошая, солнечная погода. Я бы на его месте не обольщался. Разговорились. Разговор получился коротким, но многозначительным. Я начал сетовать на отсутствие зонтика, но парень лишь отмахнулся. Зачем говорить об очевидном, и от тебя не зависящем.

– Смотри, как все хорошо получается. Вечный праздник. – Он апеллировал к своей книге. – «Два камня выстраивают два строения, три камня выстраивают шесть строений, четыре камня выстраивают двадцать четыре строения, пять зданий выстраивают

сто двадцать строений, шесть камней выстраивают семьсот двадцать строений, семь камней выстраивают пять тысяч и сорок строений. Отсюда и далее иди и высчитывай то, что уста не могут произнести и не может услышать ухо».

– Ты из строительной компании?

– Это закон жизни! – студент обиделся.

Я давно перестал удивляться странным попутчикам. Сумасшедшие в поезде – общее место. В автобусах то же самое, но уровень ниже. Автобусы созданы для лохов, абсолютных лохов. Поляков, румын, кануков... В основном – для цветных. В автобусах я дважды проигрался в карты, надрался с каким-то югославом до чертиков, негритянский подросток пытался спарить меня с его сестрой за сто баксов. Прикинулся порядочным человеком, семьянином. Нормальные люди летают в самолетах.

– Ты знаешь, что Нострадамус предсказал строительство Диснейленда? – спросил я попутчика доверительно.

– Это сказано до Нострадамуса. Это спираль развития. Она идет вверх. Откуда безграмотный пастух мог знать высшую математику?

– Жажда стяжательства. Чем больше, тем лучше. От жадности выдумашь любую прогрессию.

3.

Студенту показалось, что я его немного понял. За окнами по-прежнему шел дождь, шлифуя стекла от многолетней пыли. Когда-то в таком же поезде, идущем из Майами в Нью-Йорк, я привыкал к смерти погибшего друга. Был солнечный сентябрьский день. Я возвращался на работу в большой город, смотрел на табачные плантации и кукурузные поля. К мысли о новой жизни меня привели стоянки школьных автобусов. Не знаю, чего успокоительного я нашел в этом зрелище, но огромное их количество, желтый жизнерадостный цвет, напоминали о вечном возвращении, продолжении пресловутой спирали. На подъезде к Манхэттену я направился в буфет выпить кофе. Они уже закрылись, кассовый аппарат заблокирован. Меня угостили бесплатно: женщина дала целый нагретый кофейник, сказав, что, по ее мнению, я не выпался. Большой город всегда любил меня:

угощал, подбадривал, баловал женщинами и друзьями. Я вернулся в Нью-Йорк умиротворенным. Школьные автобусы, желтые школьные автобусы – лучший рецепт от утрат. На Юге меня ждали иные прелести: жена, взрослая дочь, церковь, рыбалка. Несколько приятелей в барах на Файв Поинтс, подумав о которых, я улыбнулся. Как звали хмыря, который угнал у меня машину, чтобы уехать к Сильвии? Я был уверен, что когда-нибудь встречу его в «Йестердэйс». Он жил в доме прямо над баром: там и питался, имея неограниченный кредит доверия. Мне положительно везет на придурков. Почему я привлекаю их внимание? Я покосился на юного кабалиста, но тот спал, откинув голову от волшебной мишны. Величие Господнего замысла утомляет.

4.

На станции, несмотря на ранний час, было полно таксистов. Я перебежал под пластиковый навес у автомобильной парковки, достал из рюкзака куртку. Народу в нашем городке сошло немного, человек десять. Их, в основном, забирали родственники на личных автомобилях.

– Вы привезли нам дождь, – пошутил водитель. – Еще две минуты назад его не было. Вам в центре куда? Что? Я знаю.

Он остановил прямо у парадного: здесь контора моей жены снимала для нее квартиру уже третий год. Татьяна удивлялась, что моя контора для меня такого не делает. Что удивительного? Нью-Йорк, жестокие нравы... Я попрощался с водителем, сказав, что белый цвет такси лучше подходит к местному колориту, щедро расплатился и только когда он уехал, понял, что ключей от дома у меня нет. На связке болтались ключи от офиса, от квартиры одной малолетки из Бронкса, машины, стоящей на стоянке около дома, (первое, что я сделал, выйдя из такси, проверил ее присутствие), еще какие-то детские ключики и брелочки, включая ключ от давно потерянного чемодана. Может, я оставил его в агенстве? Ключи я мог получить у Танькиной секретарши, в офисе недвижимости, обслуживающей Университет, мог вызвать слесаря... Но на часах было пять пятнадцать утра, и лучшее, что я мог сделать – пойти отлежаться до лучших времен в машине.

Напротив нашей пятиэтажки на перекрестке Гринз и Блоссом стояло приземистое кирпичное здание какой-то доисторической гостиницы: за время своей жизни в Колумбии я так и не удосужился узнать, открыта ли она для посетителей. Культурная достопримечательность, музей. В этом городе много непонятных заведений: закрытые клубы, тайные общества, многозначительные здания без вывесок. На гостинице вывеска была вполне доступна для понимания – “Historical Claussen’s Baker’s Hotel”. Возможно, когда-то здесь Джефферсон Дэвис и Роберт Эдвард Ли обдумывали штурм Вашингтона, чертили схемы подводных лодок-самоубийц на велосипедном ходу, линчевали негров, отливали пули для Авраама Линкольна... Ах, аристократы! «Throw thy bold banner to the breeze! Front with my ranks thy threatening seas! Like thine own proud armorial trees! Carolina! Carolina!»

5.

В пелене дождя я увидел старый отель словно впервые: тяжелый как военный форт, загадочный как обломок Атлантиды. Справа и слева от входа как часовые стояли две пальмы. В больших квадратных окнах не было и признака жизни. Только беленькие ромбики, выложенные под крышей, напоминали, что место предназначено для жилья и, в каком-то смысле, является объектом архитектуры. Из такого же темного кирпича в городе была огромная федеральная тюрьма возле краеведческого музея. И тюрьма, и гостиница не производили тягостного впечатления. Не манили собой, но и не отталкивали. Есть вещи, которые замечаешь лишь в роковую минуту. Ливень полностью заменил собой атмосферный воздух, воцарился в пространстве основной средой обитания: я двигался, словно по дну океана. Я быстро пересек газончик, покрытый мокрой светло-коричневой щепой, пробежал по асфальтовой площадке к небольшому входу с деревянной полукруглой аркой на фасаде. Где-то над головой прозвенел колокольчик. Невозмутимый клерк стоял у дорогой антикварной конторки позапрошлого века, улыбнулся, увидев меня, в меру искренне, в меру фальшиво. Взял мою кредитку, водительские права, зачем-то посмотрел на них в лупу.

– Поссорились с женой? – игриво спросил он.

– Наоборот, помирился.

– Вы живете на 18 Грин стрит, не правда ли? Это номер 19. Перепутали адрес?

Только сейчас я заметил, что он смеется.

– Мне нужна комната на ночь.

Перед ним стояло два старомодных штофа с одинаковым шерри – крепленным вином типа портвейна, – в консервативных местах по-прежнему считалось нормальным угощать посетителей. Клерк вынул два бокала, стряхнул с них пыль ресторанной салфеткой.

– Будем здоровы, – напыщенно сказал он. – Выпьем за дождь. И он пройдет.

– Это надолго?

– Я не слушаю прогнозов. Этой земле неплохо бы освежиться. Жара опротивела. – Он хохотнул. – Все мы хотим перемен!

Портвейн действительно пошел мне на пользу. Приключение начинало мне нравиться: приехать в родной город, остановиться напротив своего дома. Смотреть в окна, ожидая увидеть в них самого себя. Однажды после круиза я провел несколько дней на корабле в Южном порту. Каюта и жратва были оплачены, друзья не хотели разъезжаться по домам. Я съездил в Хобокен за свежими шмутками, привез несколько бутылок ракии. Мои новые товарищи ни разу не пробовали турецкой водки. Она произвела на них впечатление. Два дома в одном городе – в этом есть особенный шарм, дополнительная степень свободы. Мое поселение в отеле могло принести новый опыт. Дождь, делать нечего. Портвейна здесь хватит на неделю. Клерк мне рад, разговорчив. Можно наняться ему в сменщики. Отличная авантюра. Ночной портье, который в любой момент может заскочить домой. Я взял увеличительное стекло со стола, посмотрел сквозь него на свои пальцы. Да, мне не мешало бы помыть руки. Шестнадцать часов дороги – не шутка. Я разглядывал подушечки своих пальцев, пытаюсь определить свой особый уникальный узор. Какие-то отклонения были, но в принципе – спиральки, как спиральки. Я старался не думать о том, что потерял работу.

– У вас нет бинокля или подозрной трубы? – я не узнал своего голоса. – Хочу посмотреть на жизнь супруги в мое отсутствие.

– Могу предложить вам отличный карабин с оптическим прицелом...

6.

Проснулся я поздно. Казалось, уже стемнело. Время выписки – полдень, но из гостиницы меня благородно не выгоняли, войдя, так сказать, в положение. Осмотрелся. Номер с претензией на барокко. По крайней мере, я понимаю барокко, когда все тяжеловесно, вензелегато, и блестит. Зеркало в золоченой раме с барельефами, высокая кровать с резными спинками, множество подушек мал- мала меньше, театральные шторы, тюль. Сюжетные картинки на стенах: охота, трапеза, прогулка по набережной в Чарльстоне. Подошел к окну: дождь колотил по подоконнику с прежней силой. На окнах нашей квартиры жалюзи были опущены, уголок отогнут: там стояла моя пепельница. Грустное зрелище. На часах было всего- навсего начало третьего, за второй день меня платить, судя по всему, не заставят. Надо было идти решать проблему с ключами, но выходить из гостиницы не хотелось. Я смотрел на окна нашего дома в дожде, вспоминал счастливые моменты. Из этого окошка мы с дочкой опускали на веревке пиниату на Хеллоуин, украшали его звездами из салфеток на рождество, около него лежали на полу и курили с Фрэнком, перед тем как он угнал у меня машину. Вскоре я понял причину своего незапланированного пробуждения. На газончике между Бейкерсами и нашим домом врылся гусеницами в дерн экскаватор – миниатюрный “Tommycat”, мечта любого конструктора. За время моего сна он умудрился вырыть неопрятного вида котлован между зданиями, нагромождения глинозема были свалены в кустах у парковки, бородач в желтой каске завершал свою работу. Сейчас он сидел в яме, постепенно наполняющейся водой, и что- то искал, роясь в земле в больших резиновых перчатках по локоть. Конец трубы или электропроводку. Отличное время для проведения раскопок. Я машинально включил телевизор, он был настроен на канал «классики», передавали «Моя Люси», старинный черно-белый сериал. Я продолжал стоять у окна, наблюдая за страданиями экскаваторщика. Дождь сделался темнее, приобрел какой- то желтоватый оттенок: под цвет развороченному грунту

под деревом. Я посмотрел на небо, но оно оставалось по-прежнему серым и безрадостным: водяные потоки темнели, приближаясь к земле, словно она оказывала на них влияние гравитацией или особенностями культурного слоя. Вскоре происходящее стало очевидным. Дождь темнел на глазах, словно кто-то переключил видеоряд на цветной просмотр. Серый мир постепенно приобретал красный, марсианский оттенок. Художественное безумие, бред, подстава. Экскаваторщик не обращал на это внимания, но дождь сгущался, меняя свой химический и молекулярный состав. Не в силах излить всю свою ненависть к людскому роду водой, он решил обогреть его кровью. Через несколько минут наш зеленый домик покрылся пятнами зловещих кровоподтеков, кровь вырывалась фонтанами из водосточных труб, словно из разрубленных шей гидры, тряпичная вывеска прачечной около нашего подъезда была изуродована ржавыми каплями, котлован тоже побагровел. Рабочий неспешно вылезал из него, возможно, не догадываясь о чудовищности своего внешнего вида. Мясник, людоед, Джек-потрошитель. В ковше экскаватора тоже булькала кровь. Я стоял у окна, не в состоянии оторваться. Попыток анализа не возникало. Происходящее было чарующе красиво. Красный цвет – цвет войны, насилия, ярости, свободы. Что там еще? Цвет крови Христовой... Может, так и начинается Судный день? Представляю, что скажет завтра пастор Эрик в нашей церкви.

7.

О кровавых дождях я прочитал позже: 6 марта 1988 года в районе Средиземного моря выпал красный дождь. Двенадцать дней спустя он выпал снова. Вещество, при сжигании издавало сильный и стойкий запах животного происхождения. 2 ноября 1979 года – за неделю до выпадения черного дождя и землетрясения в Канаде – в Бланкенберге, Голландия, тоже выпал красный дождь. По составу – сульфат кобальта. Оранжево-красный град выпал 14 марта 1972 года в Тоскане, Италия. 13 декабря 1987 года в Кохинхине (Китай) выпало вещество, похожее на несколько коагулированную кровь. В Ульме в 1972 году выпало вязкое

вещество красного цвета. 1959 год замечателен необычайными падениями осадков: черный дождь в Ирландии в мае 1959 года, красный дождь в Сицилии, красный дождь в Уэльсе. Во время грозы в Дьюбуке, штат Айова, 16 июня 1982 года, падали куски льда, в которых впоследствии были найдены маленькие живые лягушки. 21 октября 1986 года Chronicle в Шарлотт, Южная Каролина года сообщала о падении воды с ясного неба на одном определенном месте каждый день около трех часов дня; дождь падал на маленький клочок земли между двумя деревьями в отсутствие облаков в течение трех недель. Необычайной силы красный дождь во Франции, прошедший 16 и 17 октября 1986 года; дождь сопровождался мощной грозой; химики отмечают большое количество каких-то частиц в веществе, похожих на кровавые шарики. 27 июля 1975 года в Монкстауне, в Ирландии, упали с неба небольшие комья сена. В 1971 году в Гиссене, Германия, прошел дождь персиково-красного цвета. В этом дожде содержались хлопья гиацинтового оттенка. В 1973 году после сильнейшей грозы в Луизиане было найдено чудовищное количество рыбьей чешуи на протяжении сорока миль вдоль берегов Миссисипи. 15 мая 1990 года в Мессиньяди, Калабрия, с неба выпало нечто, имевшее цвет свежей крови. Оказалось, что это кровь. «Наиболее вероятное объяснение этого ужасающего феномена состоит в том, что какие-то мигрирующие птицы – перепела или ласточки – были схвачены и разорваны ураганным ветром».

8.

Я глядел на гильотинные потоки крови на тротуарах: мне не верилось, что происходящее объясняется так просто. Торнадо я несколько раз видел. Наблюдал однажды летающую тарелку. В сегодняшнем кровавом дожде было что-то неотвратимо настоящее. Моя крестная мать по имени Хелен умерла ранним утром в воскресенье. Рано утром зазвонил телефон, раньше обычного, и я помню, что вполне отчетливо матерился в постели, решив, что она по своему обыкновению будит нас для поездки в церковь. Нас потревожила Камилла Неерн: после этого мы уже не смогли спать.

Моя мать во Христе была полная, добрая и интеллигентно пьющая женщина. Она постоянно мешала водку с тоником, и непонятно почему пьянела прямо на глазах. У нее был на кухне какой-то лабаз – она всегда пила не то, что пьют остальные. Она считала нас – особенными, особенно после того как узнала, что в Вашингтоне я останавливался у внучки президента Эйзенхауэра. Умерла она в ванной, в шесть часов утра. Вечером они с Фрэнком вернулись с побережья, и ее дернул черт перед церковью принять душ. Мертвой мы ее не видели. Просто положили цветы на дорогой гроб в беленьком теремке погребальной конторы, обняли по очереди Фрэнка и после этого ни разу в церкви не были. Хелен просила, чтобы я почитал Лютера и рассказал ей все это в двух словах. Я действительно его почитал. Если бы я процитировал ей те места, которые мне особенно понравились, она бы пришла в ужас.

9.

Вместе с каждым хохотнувшим и ушедшим, становится всё страшней и уютней в этой стране. Пора переезжать: собрать вещи и книги можно за час. Мы виноваты даже не помыслив о преступлении. То, что мы видим во сне, никого не интересует, но именно это вызывает этот ужасный дождь, откуда он по-твоему? Только от нашей тайной сосредоточенности, от внутренних крокодильих слёз. Слышишь? На наш дом упал кровавый дождь.

В мою дверь ломались, но я не мог отойти от окна. Котлован заполнился кровью до верха, и она начала переливаться на асфальт. Под гусеницы “Томму” упала мокрая, пропитанная кровью, чайка. Рабочий скрылся в кафе на Блоссом. Я видел нескольких ошалевших мужиков, стоящих у прозрачной витрины и бессмысленно размазывающих кровь по стеклу руками. В «Папу Джаз» забежал негр в костюме, который еще недавно был белым. Кучка студентов была заперта кровавым дождем в «Старбаксе» вверх по улице. Некоторые болезненно смеялись: это выглядело жалко. Я подумал, что должно поступить какое-то сообщение от правительства или хотя бы от города. Пощелкал каналы телеприемника, раздраженно открыл дверь.

– Ты будешь платить за два дня? – спросил мой утренний знакомец. Он был трезв, спокоен, и даже чем-то воодушевлен.

– Я же просил меня разбудить.

– Извини, забыл. – Он нехорошо ухмыльнулся. – Для тебя лучше было бы продолжать спать. Выметывайся. Даю тебе десять минут. Понял?

Я принял душ. К счастью, кровь еще не проникла в водоснабжение. Под душем недавнее видение казалось сном. Я спустился на ресепшн, положил ключи на стол, потянулся к штофу с шерри. Клерк отрицательно покачал головой. Я тыкнул пальцем в кредитку. Он неохотно налил мне половину бокала, отвернулся. Кровь просачивалась под порог входной двери. Портье демонстративно не обращал на это внимания.

– Мы в состоянии войны, – сказал он. – Это может быть чем угодно. Террористической атакой, актом устрашения или возмездия. Ты служил?

Я отрицательно покачал головой: боевые действия такого рода в науке не описаны, в конспиралогические заговоры я не верил.

– Авраам Линкольн уничтожил 600 тысяч наших сограждан. Сталин – 20 миллионов, Мао – 60, Гитлер – не знаю сколько. Что тут понимать? Земле для нормальной жизни нужна кровь. Не можем же мы убивать своих...

– Это кровь жертв генерала Шермана, – сказал я мрачно. – Что передают?

– Я же сказал тебе, что не смотрю телевизора! – мужик начинал злиться.

10.

Я вышел на улицу и двинулся в сторону своего дома. У котлована остановился, вспомнив, что ключей от двери так и не забрал. И еще я понял, что не смогу ни перейти, ни обойти этот кровавый ров, разделяющий Гринс № 18 от Гринс №19. В наших отношениях с супругой что-то случилось. Или с ней что-то случилось. Или с дочерью. Или со мной. Или со всеми что-то сегодня утром случилось. Я ринулся в сторону парковки, закрывая лицо воротом куртки. Голова стала мокрой от крови, она затекала в уши,

попадала в глаза. Я чувствовал ее вкус и, как мне казалось, начинал понимать вурдалаков и древних жрецов. Моя «Центра» завелась с пол оборота. Я мог поехать к жене на работу, на могилу к Хелен, к Алану с Камиллой, в церковь, заскочить в любимый «Папа Джаз»... Мог, но не хотел.

Кровавая каша укрывала поля моего Дальнего Юга, стоянки автомобилей, церковные дворики, скромные как половики, клубы по интересам, теряющие всякий интерес к жизни. Из чего состоит кровь? Из каких-то телец, шариков. Эритроциты отвечают за транспортировку кислорода от легких к органам человека. Лейкоциты обеспечивают иммунитет. Тромбоциты отвечают за свертываемость крови. Плазма – жидкая среда, в которой находятся все клетки крови. Большею частью она состоит воды. Это просто издевательство над здравым смыслом... Кровь... Кровь для нарочно купленных в дорогу белых отутюженных сорочек, свадебных платьев, для черного человека в белой панаме, для другого черного человека в белой панаме, – не смущайтесь, вы тоже успеете насмотреться. В эпоху кровавых дождей стыдно иметь мозг. Не надо про Афганистан Ирак. Мы защищаем свободу. Многие из нас получили работу. Мы можем проявить себя на поле брани, а не в этой коррумпированной заднице. Я готов винить во всем только себя. Я виноват перед всеми, хотя бы потому что не чувствую свое вины.

11.

Я вышел на 26 дорогу, все еще не решив, куда направляюсь. Наверное, туда, где больше не льется кровь. «Два дождя выстраивают два дождя, три дождя выстраивают шесть дождей, четыре дождя выстраивают двадцать четыре дождя, пять дождей выстраивают сто двадцать ливней, шесть дождей выстраивают семьсот двадцать ливней, семь дождей выстраивают пять тысяч и сорок ливней. Отсюда и далее иди и высчитывай то, что уста не могут произнести и не может услышать ухо. И ты увидишь, когда на твою землю прольется кровавый дождь».

Я ехал по пустому шоссе, чавкающему кровью. Поддувал жидкости для обмыва ветрового стекла: дворники кое-как справлялись со

своей работой. И еще я думал, что забыл выключить в гостинице телевизор. Почему- то меня это все еще волновало.

Об авторе: ВАДИМ МЕСЯЦ

Поэт, прозаик, издатель. Родился в Томске. Окончил физический факультет Томского государственного университета, кандидат физико-математических наук. В 1993-2003 годах – куратор российско-американской культурной программы при Стивенсоновском институте технологии (Хобокен, Нью-Джерси). Автор четырех романов и трех сборников короткой прозы. Лауреат премии *New Voices in Poetry and Prose* (1991, USA) за публикации рассказов в США, Бунинской премии (2005) за сборник рассказов «Вок-вок», премии им. П.П. Бажова (2002), финалист Букеровской премии (2002) за роман «Лечение электричеством» и др. Член союза Российских писателей, союза писателей Москвы, Международной федерации русских писателей (Мюнхен), американского отделения ПЕН клуба «Писателей в эмиграции» (Нью-Йорк), «Международного ПЕН-центра» (Москва), председатель комиссии «Центр современной литературы» научного совета РАН. Организатор «Центра современной литературы» (2004) в Москве и руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». Стихи и проза переведены на английский, немецкий, итальянский, французский, латышский, румынский, польский и испанский языки.
Neкаýalar